

—Итак, в обсерватории появился Лаговский. Поселил его Гострем в однокомнатную квартиру, освободившуюся после смерти тёти Тони Королёвой, нашей соседки, бабушкиной подружки, работавшей уборщицей в обсерватории. Тётя Тоня жила одна, вечно жаловалась на свои болячки, хотя выглядела отнюдь не больной и старой, будучи намного моложе нашей бабушки Фени. Её хватил удар, то есть произошло кровоизлияние в мозг, когда она была одна в квартире, да на беду ещё закрывшись. Парализованная, она лежала на диване и не могла позвать на помощь, только слабо мычала. То ли наша бабушка, то ли их общая подружка Матрёна лишь к вечеру заподозрили неладное. Заглянули к ней в окно (квартира на первом этаже) и увидели её лежащей в странной позе на диване. Взломали дверь. Тётя Тоня лежала вся обмочившись, дрожала от холода. У неё отнялась половина тела, она издавала какие-то звуки, но, кажется, не узнавала никого. Позвали Лену Шагимуратову. Она распорядилась осторожно перенести тётю Тоню на одеялах в машину - наш фургон и отвезти в больницу.

—На следующий день тётя Тоня умерла. По просьбе бабушки я помогал в похоронах, участвовал в рытье могилы, нёс с другими гроб, фотографировал похороны по просьбе родственников, среди которых оказался Вася Королёв - тот самый, который вёл курсы мотоциклистов. Его брат на поминках скандалил, обвинял присутствовавшего тут же Николая Андреевича Коновалова, занимавшего у нас странную должность товароведа, но бывшего фактически завхозом обсерватории, в том, что тот заездил тётю Тоню, заставлял уголь грузить и так далее, что, конечно, было несправедливо, хотя уголь скидывать в кочегарку и приходилось всем нашим уборщицам, и, наверное, тётя Тоня жаловалась на Коновалова родне.

—Претензии родственников на тёти Тонину квартиру Гострем и слушать не стал под тем предлогом, что квартира, мол, ведомственная, хотя это было и не так, и поселил в неё Лаговского. Наш новый сосед - роста повыше среднего, редковолосый, с "поляцким", то есть горбатым и слегка отвислым носом, в очках - внешне производил поначалу уныловатое впечатление. Но вскоре мы с ним сблизились, он частенько заглядывал к нам домой, был не прочь поболтать, интересовался нашей библиотекой, сам тоже собирал книги, не проявляя, правда, при этом особого вкуса, и хвастался принципом приобретать только всё самое лучшее. У него, действительно, был хороший финский холодильник, удобная стенка для книг, дорогая, по нашим меркам стереоаппаратура, хотя пластинки - так себе, как и книги, были хорошие, было и барахло.

—В нём чувствовалась увлекаемость, а я к таким людям тянулся, заводил свои разговоры о политике, советской власти и демократии, давал читать сохранённые со времён моих встреч с Лужбиным перепечатки самиздата, раннего Булгакова и т.п.

—Толя, будучи молодым коммунистом, ортодоксальности отнюдь не проявлял, скорее наоборот - легко соглашался с позициями инакомыслия. По его словам, к этому склонял и его собственный опыт работы в оперотряде дружины, где он пытался бороться за справедливость. Между нами установилось взаимопонимание, которое было тем более важно, что мои отношения с Гостремом становились всё более натянутыми, а Лаговский, как и почти все новички на первых порах, ходил в фаворитах. Его научная деятельность у нас заключалась пока лишь в проектировании будущей оснащённости обсерватории вычислительными средствами, которые предстояло ещё раздобыть, установить и запустить в действие.

—Кроме того, Гострем поручил ему оформление бумаг по квартирным делам - Гострем затеял пробивать квартиры в Калининграде для сотрудников обсерватории, называя меня и Лаговского в числе первых претендентов на жильё в городе. Я к этим его обещаниям относился с недоверием, да и совершенно не рвался в Калининград в противоположность Лаговскому, которого жизнь в Ладушкине устраивала лишь как временный вариант. К затее Гострема он относился серьёзно и с энтузиазмом, часто ездил в Москву, ходил там

по разным инстанциям, главным образом, в Президиуме Академии Наук, от которого следовало добиться денег на долевое участие обсерватории в строительстве жилья в Калининграде. Вскоре Лаговский привёз в Ладушкин семью - жену Нину, спокойную, приятную женщину, только что окончившую пединститут, с годовалой дочкой Юлькой. Однокомнатная квартира Лаговских была угловой, холодной, продуваемой, поэтому для них получение новой квартиры в городе было заветной мечтой, и Толя не жалел энергии на беготню, связанную с долевым участием. С Гостремом он, естественно, не конфликтовал, хотя порой и жаловался мне на невразумительность и противоречивость его распоряжений.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)